

Այսպիսով, Գվինի կարասների վերոհիշյալ խումբը կազմում է մի շատ որոշակի տիպ, որը սերտորեն աղերսվում է Հայաստանի հենց հելլենիստական դարաշրջանի նմանատիպ կարասներին, որոնք օգտագործվել են տնտեսության մեջ կենցաղային տարրեր նպատակներով, ինչպես նաև մ. թ. ա. III—I դդ.՝ որպես թաղման անոթներ:

Տեսնում ենք, ուրեմն, որ Գվինի առանձին կարասային թաղումներից ձեռք բերված նյութերը միմյանցից չեն տարբերվում, հանգամանք, որ հնարավորություն է տալիս ոչ միայն հնագիտական ամբողջ նյութի միասնական վերլուծության, այլև անվերապահորեն հաստատում է, որ Գվինի դամբարանադաշտը պատկանում է որոշակի մի դարաշրջանի:

Վերը բնած նյութի թվագրումները թույլ են տալիս այս հուշարձանը համարել մ. թ. ա. II—I դդ.: Թացի այդ, առաջարկված թվագրու-

մը հաստատում է Գվինի միջնաբերդում հելլենիստական բնակավայրի գոյությունը վկայող հնագիտական շերտն իր նյութերով (զուսպարգ խեցեղենով, քարե բաղձանխառ կնիքներով, սյան քարե խարիսխներով, որոնք վկայում են անտիկ դարաշրջանի շինարարական արվեստով կերտած կառույցների գոյության մասին): Պրոֆ Կ. Գ. Ղաֆաղարյանը գեոևա 1950-ական թթ. իրավացիորեն ենթադրում էր, որ քրազարի այդ թաղը հավանաբար բրիտանիստությանից առաջ, եղել է դամբարանադաշտ բերդի բնակիչների համար»²²:

Այսպիսով, բնակավայրի և այժմ արդեն դամբարանադաշտի ուսումնասիրությունները հաստատում են հելլենիստական դարաշրջանի մի ամբողջական հուշարձան-համալիրի գոյությունը Գվինում:

Գ. Գ. ՔՈՉՍԵՅԱՆ

ПОДПОЛКОВНИК РУССКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ Н. И. ГАДЖАНОВ (АГАДЖАНЫЯН)

В анналы военной истории России вписаны имена генералов и офицеров русской армии Лазаря Христофорова, Авана Юзбаша, Степана Сумбатова, Ростом Мадатова, Дмитрия Ашхарумова, Лазаревых, Аргутинских, Деляновых, Меликовых, Абамеликовых, Каспаровых, Бебутовых, Лалаевых, Шахнавазянов и многих других сынов Армении. К их числу принадлежит и подполковник Никита Иванович Гаджанов (Агаджанян). Он долгие годы служил в русской армии и в составе ее черноморского казачьего войска совершил много славных подвигов*.

Нам пока не удалось найти достоверных данных о месте и годе рождения Ни-

киты Ивановича, о его детстве, юношеских годах, образовании, семейном положении. В его рапорте на имя начальства говорится, что он—далекий потомок знатного рода Оменов, жившего в Киликийском армянском государстве, и что некоторые представители этого рода после падения Киликии переселились в Восточную Армению, где со времени правления Персией шаха Надира занимали видное положение и играли важную роль в политической жизни страны. Отец Гаджанова Ованес родился и вырос в Конде—одном из районов Еревана, а затем вместе с семьей вынужден был покинуть родину.

Судя по тому, что Никита Иванович, кроме родного армянского языка, владел русским, грузинским, персидским и турецким языками, можно предположить, что вначале он жил в Закавказье, а впоследствии в России, где провел большую часть своей жизни. Далее: обширные знания по истории стран Передней Азии, в особенности истории и культуры Армении, тонкая наблюдательность, умение выделять из сложной цепи противоречивых событий наиболее существенные факты и на их основе

շատրյան, Խ. Մ. Թորոսյան, նյութեր Վաղարշապատի հյուսիս-արևելյան դամբարանադաշտից (ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր» (հաս. գիտ.), 1976, № 5, էջ 99—111):

* Фактическую основу данного сообщения составляет рапорт Н. И. Гаджанова от 10 августа 1804 г. о путешествии по Армении, хранящийся в «Деле Кубанского войскового архива по общей атаманской описи 1804 г., № 483» и опубликованный в «Записках одесского императорского общества истории и древностей», т. XXI, 1898, стр. 28—45.

²² «Գվին քաղաքը և նրա պեղումները», էջ 59:

1
 делать масштабные политические и военно-стратегические обобщения, безукоризненная грамотность,—все это, ярко проявившееся в собственноручно написанном Гаджановым по-русски рапорте о путешествии по Армении, несомненно, свидетельствует о его всесторонней образованности и высокой культуре.

С начала 80-х годов XVIII в. молодой Никита Гаджанов, уже переселившись в Россию и добровольно вступив в Черноморское казачье войско, участвует в его составе во всех кровопролитных сражениях и военно-политических действиях России против захватнических устремлений султанской Турции и шахской Персии вплоть до середины второго десятилетия XIX в.

В 1783 г., когда Крым был присоединен к России, Гаджанов находился в рядах русских крымских войск. Позднее, в августе 1787 г., Гаджанов уже в офицерском чине сотника отражает турецкое вторжение на черноморское побережье России. Русские войска под командованием Суворова, несмотря на значительный численный перевес турецкого морского десанта, нанесли противнику тяжелое поражение. Находясь с первого и до последнего дня русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в составе действующей армии, Гаджанов проявляет воинскую храбрость и самоотверженность в боях с полчищами янычар, а также незаурядные способности боевого командира, разведчика и переводчика-дипломата. В 1790 г. ему было присвоено звание хорунжего, в 1792 г. он производится в чин есаула.

После победоносного завершения русско-турецкой войны черноморское казачье войско с кадровым личным составом свыше 12 тыс. чел. с их семьями в 1792 г. было направлено в Прикубанье для несения кордонной службы вдоль границы России по р. Кубань от устья р. Лабы до Азовского моря. В 1794 г. основан город Екатеринодар (ныне Краснодар), в котором и расположилось управление черноморского (с 1860 г.—Кубанского) казачьего войска. В первой половине 90-х годов XVIII в. Гаджанов уже в районе новой дислокации многократно участвует в боевых действиях частей черноморского казачьего войска по обузданию ставленников Порты, причинявших своими частыми набегами постоянное беспокойство населению

причерноморских районов России. В 1795 г. под командованием Гаджанова была предпринята разведывательно-экспедиционная вылазка в район крепости Анапы, находившейся под властью Порты. Целью ее было установить личный контакт с турецким пашой, изучить состояние его вооруженных сил и их боеспособность, освободить из турецкой неволи большую группу черноморских казаков, захваченных в разное время в плен. Переговоры Гаджанова с правителем Анапы, проходившие в обстановке недоверия и подозрительности, тем не менее завершились успешно; поставленная перед экспедиционной группой трудная задача была выполнена.

Способности Гаджанова как военачальника и дипломата особенно ярко раскрылись во время похода русских войск в Закавказье в 1796 г. под командованием генерала Зубова. В состав русских экспедиционных войск был включен отряд из двух пехотных полков черноморского казачьего войска под общим командованием полковника Головатого. Среди офицеров отряда находился Гаджанов, который наряду с командной должностью выполнял и обязанности дипломатического переводчика. Он принимал активное участие в ряде военных экспедиций, вновь проявляя высокое воинское мастерство и личную отвагу. Подразделением, действовавшим под непосредственным его командованием, было разбито шесть боевых единиц из состава шахской военной флотилии в Каспийском море.

По возвращении из персидского похода в пределы Прикубанья, ставшего для Гаджанова второй родиной, он во главе небольшой экспедиционной группы казаков вновь отправляется в Анапский пашалык, а оттуда—за Кубань, к вожакам воинственных горцев. Эта, по существу военно-разведывательная, миссия экспедиции была чрезвычайно рискованной и трудной, и только благодаря смелости, решительности и находчивости руководителя группы, его знаниям местных условий и традиций поставленная задача была выполнена. Затем Гаджанову поручается выполнение еще более ответственного и тоже связанного с риском для жизни задания царского правительства. В 1800 г. он отправляется в Восточную Анатолию, к прозному Баталпаше с царскими подарками—«высочайше дарованными при рескрипте часами и шу-

бою». Здесь он завязывает знакомства с влиятельными кругами транзитоно-эрзерумских властей, добывает сведения, представляющие интерес для русской военно-дипломатической службы. Но вскоре Батал-паша скончался. Гаджанов возвращается в Россию и представляет властям обширную информацию о внутренней жизни оттоманской империи и внешнеполитических стремлениях Порты. В 1802 г. место умершего Батал-паши занял его сын Таер-паша. Продолжая традиции отца, он изъявил желание установить непосредственные дипломатические контакты с русским двором и, получив согласие на это царских властей, снарядил в Петербург посольство во главе со своим доверенным лицом по имени Исени-эфенди. По предложению военного губернатора Новороссийского края Михельсона царское правительство поручает Гаджанову встретить посольство Таер-паши на границе и сопровождать его на всем протяжении пути в Петербург и обратно, к границам черноморских владений Турции.

Чрезвычайно важной вехой в полной опасностей боевой жизни Гаджанова явилось его «путешествие в Азию чрез Грузию и Армению» в 1803—1804 гг. Целью поездки Гаджанова было объявлено его желание выполнить данное своему отцу обещание: «поклониться святым местам и повидаться с родственниками». Для убедительности этой версии путешествие предпринималось открыто для персидских и турецких властей, а конечным его пунктом намечалась Киликия—родина далеких предков Гаджанова. О том, что истинной целью путешествия было освещение внутренней жизни Персии и Турции, убедительно свидетельствует содержание рапорта Гаджанова. Здесь четко прослеживаются три основные группы вопросов, представлявших большой интерес для царского правительства. Это, во-первых, военно-экономический потенциал Персии и Турции; во-вторых, положение и ориентация армян и других христианских народов; в-третьих, внешние факторы, существенно влияющие на определение политики этих все еще весьма агрессивных и могущественных в военном отношении южных соседей России. Выполнение этой задачи было делом не только опасным, но и весьма нелегким, и тот факт, что оно было поручено именно Гаджанову, в тот

период, когда стоял вопрос присоединения Армении к России, говорит сам за себя.

Пустьвшись в путь из Новороссийского края, Гаджанов в декабре 1803 г. прибыл в Тбилиси, а отсюда в Ереван и Эчмиадзин. С описания тогдашнего Еревана он и начинает свое повествование. Город, пишет в рапорте Гаджанов, расположен «над рекою Зангою, имеет крепость изрядную, от Занги высокий каменный обрыв и над оным шахский дом, внизу под обрывом стена невысокая, прочие три битыя из земли с камнями; на тех трех стенах довольно число батарей и на оных пушек, но без порядку; две канавы и одна из них напущена водою». Вряд ли можно сомневаться в том, для кого и для какой цели предназначалось описание ереванской шахской крепости, выполненное автором рапорта на довольно высоком уровне военно-разведывательного профессионализма. Далее он пишет, что Ереван «имеет с северной стороны три форштата, в первом, новом гостинный двор и производится чрезвычайная торговля, товары привозятся с разных мест, равно и вывозятся отсель разные продукты и произрастание. Строения, а особливо лавки—каменные, весь тот двор под крышею весьма великолепной и изрядной архитектуры; второй форштат старой, прекрасной, изобилующ садами; третьей на открытой горе и прекрасном месте, называется Конд, в сем последнем родился отец мой, от меликов армянских, поставленных шахом Надиром предка еще изшего, пришедшего с Киликии, от рода Омена, оные истреблены другими персидскими шахами, а только в Киликии именуются от одного рода патриархи».

В Эчмиадзине Гаджанов был тепло принят патриархом Давидом. Видимо, по его совету Гаджанов для личной безопасности здесь переодевается в постриженного армянского дьякона и снабжается документом, удостоверяющим, что предьявитель его является турецким подданным из г. Эрзерума и следует в Киликию для поклонения святым местам. Из Эчмиадзина Гаджанов в сопровождении надежных проводников направляется в г. Нахичеван— «первое новое по изшествии из ковчега пристанище Ноя, где он поселился и жил триста лет, а по смерти погребен в сем городе...» Здесь же мы находим подробное описание нахичеванской шахской крепости,

состояние ее вооружения, предположительную численность и боеспособность войск, находившихся под началом правителя Нахичеванского ханства Магомета Асан-хана.

Дальнейший путь Гаджанова лежал через Хойское ханство и Ванский, Мушский, Эрзерумский и Трапизонский пашалыки. Он побывал, в частности, в городах Джуге, Хое, Ване, Муше, Эрзеруме, Трапизоне. Сотни километров по бездорожным горным перевалам и кручам, покрытым снегом, по глубоким ущельям и широким долинам в условиях зимней стужи и весенней распутицы он исходил пешком. Не раз подвергался нападениям со стороны вооруженных шаек, был ограблен до нитки, смотрел смерти в глаза. Поистине это был жертвенный подвиг воина-патриота. «Все места,—обобщая виденное, писал Гаджанов,— суть доказательства неисчерпаемого там богатства, на коих в древние времена гремела Армения, но ныне только их украшает сама природа. Что же принадлежит до состояния во всех сих странах обитающих армян, они весьма достойны сожаления с крайним соболезнованием, видя остатки создавшихся руками предков; их города и монастыри напоминают прежнее их предков благоденствие. С пролитием слез в монастырях сии христиане богу приносят моление и просят у него защиты веры христианской; *во всех также монастырях жертвы приносят и за царей российских* (курсив наш.—Дж. Ф.). Армяне, будучи под игом невольничества персов и турок, крайне отчаиваемы бывають».

Гаджанов описывает ужасающую картину бесправного положения армян в Персии и Турции. Он приводит неопровержимые данные, свидетельствующие об их погромах и насильственной ассимиляции, о разрушении культурных ценностей армянского народа. В Ване, Карсе, Баязете, Хнусе, Пагеше, Муше—во всех армянских городах и областях, с горечью продолжает он, губернаторами являются турецкие паши. «Войска у них из меднан (так в рапорте Гаджанова именуются курды.—Дж. Ф.). Сии меднаны делают большую обиду и притеснения христианам. В летнее время самые лучшие хлебопашные и сенокосные места занимают под свои скот, в зимнее же время занимают у них квартиры, берут насильно хлеб, сено, дрова» и все, что «им понадобится... на случай же сопротивления

предают смерти. Бедные сии жители терпят крайнее разорение, но кроме их несчастной жизни султану плотят гарач, а пашам и деребеям сальян в год пять раз...» Насилиям персидских и турецких властей, отмечает Гаджанов, нет границ. Говоря, например, об Эрзеруме, он писал, что здесь ранее было до 120 тыс. армянских семейств, «но ныне великая часть их удалилась от новейших тамошних жителей—турков, которые причиняют им разные притеснения». Все армянские церкви превращены в мечети, в городе осталась только одна церковь, которая «с позволения выстроена наподобие сарая и то за великие деньги». Аналогичную картину Гаджанов видел повсюду. В Джуге, например, с горечью пишет он, в некогда многолюдном армянском городе, расположенном на территории Восточной Армении, «живет только пятнадцать семей—для переправы проезжающих через р. Аракс».

Гаджанов верно подмечает, что в судьбах Армении и армян зловещую роль играет противоречие между Персией и Турцией, их постоянное соперничество в завоевании армянских земель и всего Закавказья. Войны между ними опустошали народы всего края и особенно армян. Обессиленный и задавленный в тисках турецко-персидской тирании, народ обращал взоры к великой христианской России, возлагая на нее все свое упование на освобождение, писал Гаджанов. Как удалось узнать Гаджанову, тогдашний персидский шах Бабахан собрал около 80 тысяч войска и, сосредоточив их в Восточной Армении против России, одновременно потребовал от турецкого султана передать ему области Карса, Баязета, Вана и Муша. В случае же неудовлетворения этого требования шах грозил завоевать их силой. Эрзерумский правитель Таер-паша в этой связи получил из Константинополя султанский фирман, требующий от него срочных мер к повышению боевой готовности крепостей и войск для отпора возможному вторжению Бабахана пределы Восточной Анатолии.

При оценке военно-политической обстановки в Персии и Турции Гаджанов учитывает и ту подстрекательскую роль, какую играли в формировании их агрессивной в отношении России политики европейские державы, прежде всего Англия и Франция. Упорно противодействуя проник-

новению России на Восток, эти державы всячески разжигали враждебность к ней со стороны правящих кругов Персии и Турции, готовили их к войне, поставляя им оружие, снаряжение, применяя при этом методы подкупа и шантажа. Гаджанов, используя свое знакомство с приближенными Таер-пашы, изучает и эту сторону внутренней жизни стран Передней Азии. В своем рапорте он, в частности, отмечает, что из Трапизона прибыл в Эрзерум французский консул, который имел свидание с Таер-пашой и преподнес ему подарки—двое часов и две подзорные трубы. «Он был принят ласково и сей консул объявил паше кроме всего своего политического дела, что он может во многих местах сыскать руды и уголье земляное и о сем будто паша» сделал султану соответствующее представление. К этому он добавляет, что видел в трапизонском порту Турции французское торговое судно—свидетельство торгово-экономического проникновения Франции в страны Передней Азии.

Достигнув г. Муша, Гаджанов мог бы продолжать путь на юго-запад, к конечной цели своего путешествия—Киликии. Но у него уже не осталось необходимых для этого средств. Поэтому он решил сначала поехать в Эрзерум, к своим недавним знакомым из посольства Таер-пашы в Петербург. Может быть, думал он, они вспомнят оказанные им щедрые услуги, приемы и угощения и помогут возвратить украденные у него в пути средства. Но ни Таер-паша, ни Исени-эфенди и другие его приближенные чиновники, уделившие всецело внимание французскому консулу, не проявили к нему доброжелательности и элементарного гостеприимства. Оставшись без средств, Гаджанов занимает у одного армянского купца небольшую сумму денег, отказывается от намерения поехать в Киликию и 2 июня 1804 г. отправляется из Эрзерума в

обратный путь в Россию. 10 июня он прибывает в Трапизон и отсюда морем возвращается на родину, завершив к 15 июля 1804 г. свое восьмимесячное путешествие по Малой Азии.

На протяжении всей русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Гаджанов был в боевом строю и участвовал во многих сражениях на кавказском театре военных действий. Особенно отличился он в ожесточенных кровопролитных сражениях 1809 г. под крепостью Анапа. Полки черноморского казачьего войска в составе отряда генерала Панчулидзева нанесли сокрушительное поражение туркам в этом районе, оказав тем самым большое влияние на ход и исход всей войны. За храбрость и воинскую доблесть, проявленные Гаджановым в этих сражениях, ему было присвоено общевойсковое офицерское звание подполковника. Гаджанов остается в боевом строю и в период Отечественной войны 1812 г., участвуя в защите юго-западных губерний страны от нашествия полчищ Наполеона и в военно-политических акциях по сдерживанию тайных союзников наполеоновской Франции—Турции и Персии от активных враждебных действий против России.

После изгнания французских захватчиков из России Гаджанов в составе отряда из черноморского казачьего войска переводится в Закавказье, где принимает участие в завершающих сражениях русско-персидской войны 1804—1813 гг. Усиление русских войск на персидском фронте, их героические боевые действия, активно поддержанные армянскими, азербайджанскими и грузинскими добровольческими отрядами, заставили шахскую Персию запросить мира. И 12 октября 1813 г. был заключен известный Гюлистанский мирный договор.

Кандидат историч. наук
Дж. С. ФАНЬЯН (Кишинев)